

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

Dagestanskoe musul'manskoe reformatorstvo pervoi treti XX veka kak raznovidnost' dzhadidizma

Kemper, M.; Shikhaliev, Sh.Sh.

Publication date

2012

Published in

Abusuf'ian Akaev: Epokha, zhizn', deiatel'nost'

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):

Kemper, M., & Shikhaliev, S. S. (2012). Dagestanskoe musul'manskoe reformatorstvo pervoi treti XX veka kak raznovidnost' dzhadidizma. In GM-R. Orazaev (Ed.), *Abusuf'ian Akaev: Epokha, zhizn', deiatel'nost'* (pp. 52-58). (Zhizn zamechatelnykh dagestantsev). Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.

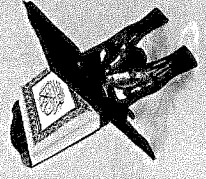
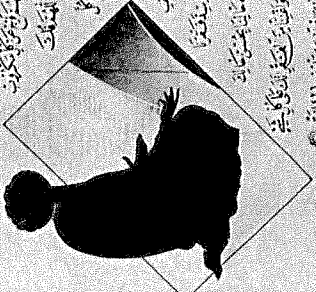
General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

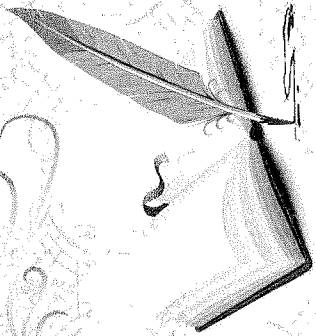
Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <https://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
هَذَا كِتَابٌ فِي تَارِيخِ
الشَّعْبِ الْوَحْدَانِيِّ
الْمَعْرُوفِ بِالسُّوَيْدِيِّ
الْمَعْرُوفِ بِالسُّوَيْدِيِّ
الْمَعْرُوفِ بِالسُّوَيْدِيِّ
الْمَعْرُوفِ بِالسُّوَيْدِيِّ
الْمَعْرُوفِ بِالسُّوَيْدِيِّ
الْمَعْرُوفِ بِالسُّوَيْدِيِّ
الْمَعْرُوفِ بِالسُّوَيْدِيِّ
الْمَعْرُوفِ بِالسُّوَيْدِيِّ
الْمَعْرُوفِ بِالسُّوَيْدِيِّ

ЭПОХА, ЖИЗНЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дагестанское
книжное издательство
Махачкала 2012

*Кемпер М.,
Амстердамский университет, Нидерланды,
Нихалиев Ш. Ш.,
ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала*

ДАГЕСТАНСКОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ РЕФОРМАТОРСТВО ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДЖАДИДИЗМА

Мусульманское реформаторство, известное в научной литературе как «джадидизм», возникло и развивалось как общественное и религиозное течение в среде тюркоязычных народов Российской империи, особенно среди крымских и нововолжских татар. Термин «джадидизм» происходит от «ал-усул ал-джадид» («новый метод»), основателем которого считается крымский ученый и просветитель Исмаил Гаспринский (1851–1914). Он разработал новую систему преподавания арабского шрифта, в котором внимание уделялось на фонетическую систему изучения слов, в противовес корневому, что было распространено в традиционной системе мусульманского образования. Впоследствии термин «джадидизм» включил в себя также более широкое значение реформы системы мусульманского образования. Он подразумевал включение в учебный план традиционных мусульманских медресе светских дисциплин, таких как география, естествознание, история и математика, стимулировав пробуждение национального самосознания тюркоязычных народов России в ХХ в. После 1905 г. основные идеи джадидизма были распространены в Крыму (Бахчисарай), Волго-Уральском регионе (Казань, Уфа, Оренбург), среди азербайджанской интеллигенции в Баку, где джадидизм был поддержан значительной частью мусульманских предпринимателей, а также в Центральной Азии (Ташкент, Самарканд).

В российской и западной историографии широко освещены роль и место джадидизма в истории тюркоязычных народов России. В то же время роль северокавказских мусульманских ученых, представителей интеллигенции и суфиев до сих пор в значительной степени игнорируется. Мы имеем на сегодняшний день несколько работ (статей, монографий), посвященных отдельным деятелям мусульманского реформаторства в Дагестане. История же самого этого движения в Дагестане фактически не изучена, в то время как оно имеет свою специфику и особенность, отличающую её от джадидизма

в других областях мусульманского мира. На первый взгляд, истоки мусульманского реформаторства в среде ученых Дагестана начала ХХ века восходят своими корнями к тюркскому (татарскому и азербайджанскому) джадидизму. Однако, в силу многоязычия и большого количества этнических групп в Дагестане, в местных медресе обучение велось на местных языках с последующим переходом на арабский. Здесь явно прослеживается приверженность дагестанских ученых к арабской (египетской) модели реформаторства. Говоря о мусульманском реформаторстве в целом и о его развитии в Дагестане в частности, необходимо учитывать специфику форм развития джадидизма в Дагестане в начале ХХ века.

Ниже даны краткие гипотезы развития мусульманского реформаторства в Дагестане, отличающие её от форм джадидизма в остальных регионах мусульманского мира.

1) Отличительной чертой регионального развития джадидизма на Северо-Восточном Кавказе является многонациональный характер мусульман Дагестана. Эта этническая пестрота в корне отличает развитие джадидизма в Дагестане по сравнению с теми областями джадидизма, где мусульманский дискурс преобладал среди одного или двух тюркоязычных народов (как у волжских татар и башкир Центральной России). По этой причине говорить об идее «общетюркской мусульманской нации», что была развита в Азербайджане, Турции, Поволжье и Крыму, в условиях Дагестана не приемлемо. В дагестанском варианте модернизм выступал как сила, которая объединила представителей многих дагестанских этнических групп, в общий дискурс о реформе системы образования и ислама в целом. Представители духовной элиты Дагестана были тесно связаны одновременно как с мусульманскими учеными Поволжья, так и Ближнего Востока, что обусловило её специфику.

2) Во-вторых, многие элементы местного джадидизма позволяют нам рассматривать дагестанское реформаторство как часть общего движения джадидов Российской империи. Дагестанский модернизм начал развиваться как раз в то самое время, когда И. Гаспринский опубликовал свои идеи о реформе образования. Одним из основателей дагестанского реформаторства можно считать Хасана Алкадари (ум. в 1910 г.). Об этом свидетельствует его богатое наследие, которое включает в себя как исторические работы на тюркском языке, так и трактаты, фетвы, письма и стихи на арабском языке, написанные им не только в Дагестане, но и в Поволжье, России и Сибири. Также можно упомянуть его знаменитый трактат «Джираб ал-Мамун», который представляет собой сборник фетв. Элемент реформаторства особенно очевиден в его исламских юридических заключениях, которые охватывают, например, такие вопросы, как допустимость использования граффити при декламации Корана, роль и место современной географии в мусульманских школах. Открытым остается вопрос, о том, в какой мере Алкадари смог представить

реформу системы мусульманского образования в медресе, которое он основал в родном селе.

3) Джадидизм в условиях многонационального Дагестана уделял особое внимание методике преподавания на родных языках. В отличие от господства тюркских элементов в дискурсе татарского или азербайджанского джадидизма, в дагестанском случае мы сталкиваемся с публикациями не на одном языке, а на нескольких, в том числе на кумыкском, аварском, даргинском и лакском. Еще одним отличием является то, что в Дагестане арабский язык сохранил огромное значение в поздний имперский и даже в начале советского периода. Непрерывность использования арабского языка в частной и деловой переписке, в делопроизводстве и в сочинениях по различным отраслям мусульманских знаний подчеркивает общность дагестанской формы джадидизма с арабским мусульманским реформаторством конца XIX — нач. XX вв. Особенность дагестанского реформаторства в том, что арабский язык в среде местных реформаторов не замещается тюркским, а существовал параллельно. Более того, именно арабский язык, который укрепил связи местных реформаторов с арабскими мусульманскими учеными из стран Ближнего Востока, был важнейшим элементом дагестанской формы джадидизма.

4) В Дагестане мы не находим четкого раздела на реформаторов (джадидов) и традиционалистов (кадимитов). Это связано с тем обстоятельством, что татарские джадиды, начиная как сторонники реформы системы образования, быстро превратились в критиков традиционных исламских норм и практик, выступая за призыв к *иджитихаду*¹. В Поволжье вопрос об иджитихаде разделил научное сообщество на сторонников иджитихада, или джадидов, с одной стороны, и традиционалистов — с другой. Последние являлись строгими приверженцами ханафитской правовой школы. В Поволжье нонконформисты, которые призывали к иджитихаду, не пользовались популярностью вплоть до конца XIX века. В Дагестане же, где шафитская правовая система имеет давнюю традицию, элементы иджитихада в рамках правовой школы имама Шафии никогда не были полностью отвергнуты местными алъимами. Здесь призыв к иджитихаду в рамках шафитской правовой школы восходит по крайней мере, к дагестанскому ученому Мухаммаду ибн Мусе ал-Кулуки (ум. в 1717), работы которого оставались популярными в Дагестане на протяжении веков, вплоть до начала советского периода. Кроме того, эта гибкость и одновременно авторитет традиций шафитской правовой школы также усиливаются в период тридцатилетней борьбы в XIX веке под руководством трех дагестанских имамов. В результате этого дагестанский джадидизм воспринимался не как угроза исламскому традиционализму, в отличие от Поволжья, где татар-

¹ Иджтихад — это обращение к основным источникам мусульманского права (Корану и Сунне), с критикой существующих традиций исламской правовой школы и призывом к реформе системы права в соответствии с новыми реалиями.

ский джадидизм получил отпор со стороны татарских традиционалистов. В то же время приверженность местных алимов к широко распространенной в Дагестане шафитской традиции не позволила при вынесении тех или иных правовых норм выходить за рамки существующей шафитской школы. По мнению подавляющего большинства дагестанских алимов, иджитихад был допустим только в рамках уже существующих мазхабов. Более того, в системе широко распространенной в Дагестане отрасли наук *ул-улу ал-фикх* (основы мусульманского права) четко были обозначены условия и принципы иджитихада, что, фактически, сводило на нет идеи реформы системы фикха, предлагаемые некоторыми дагестанскими джадидами, вне рамок каких-либо устоявшихся форм религиозно-правовых школ (мазхабов). Так, в частности, одним из важных условий *муджтахида* являлось то, что в своем решении он не должен был ссылаться на мнение, уже существующее в одной из суннитских правовых школ (мазхабов). Иными словами, муджтахид, претендующий на абсолютный (выходящий за рамки мазхабов) иджитихад, должен был быть самостоятельным в своих умозаключениях.

5) Внутри дагестанского джадидизма можно наблюдать различные течения и направления, показывающие специфику мусульманского реформаторства в Дагестане. Сторонников джадидизма в Дагестане условно можно разделить на две группы. Первые — это те, которые, выступая только за реформу системы мусульманского образования, тем не менее были сторонниками *таклида*¹ и противниками абсолютного иджитихада. Во вторую группу вошли те реформаторы, которые пошли дальше идей реформы системы образования и выступили с критикой традиционализма в вопросах мусульманской догматики и фикха, что объединяет их с татарскими сторонниками джадидизма.

Среди тех, идеи которых ограничивались лишь реформой системы мусульманского образования, были Абусуфьян Акаев (1872–1931), Мухаммад-Мирза Мавраев (1878–1964), Мухаммад-Кадиди Дибиров (1877–1929) и суфийский шейх Сайфулла-кади Башларов (1853–1919). Абусуфьян Акаев и Мухаммад-Мирза Мавраев были одной из главных движущих сил в развитии дагестанской журналистики и печати. Первый являлся главным редактором арабоязычного журнала «Байан ал-хакаик», издаваемого в г. Буйнакске с 1925 по 1928 гг. В 1902 г. А. Акаев в селеении Н. Казанище впервые в Дагестане открыл новометодную школу, включив в учебную программу, наряду с классическим предметами, также математику, историю и географию. Любопытно, что многочисленные труды А. Акаева показывают его как активного сторонника реформы системы мусульманского образования. В то же время в вопросах фикха А. Акаев однозначно выстраивал свою позицию как апологета существующих мазхабов и был противником иджитихада. М.-М. Мавраев

¹ Таклид — следование мусульман предписаниями какой-либо религиозно-правовой школы в вопросах, связанных с практическими предписаниями ислама.

же был основателем известной на всем Северном Кавказе исламской типографии в г. Темирханшуре, где издавались труды мусульманских ученых на арабском и некоторых дагестанских языках. Следует отметить, что идея открытия типографии в Дагестане была предложена ему Абусуфьяном Акаевым, с которым М.-М. Мавраев познакомился, когда они вместе учились в медресе в с. Согратль. Примечательно, что в типографии М.-М. Мавраева издавалось немало книг по естественным дисциплинам, входящим, как уже отмечалось выше, в программу новометодных школ.

Вторая группа реформаторов пошла дальше и выступала за реформу ислама, в частности системы мусульманского права. Это, прежде всего, Али Каяев (1878–1943), который оставил огромное количество опубликованных и неопубликованных работ на арабском и лакском языках. А. Каяев был также главным редактором арабоязычной газеты «Джаридат Дагистан», издаваемой в Темирханшуре с 1913 по 1918 гг. Структурно эта газета была создана по образцу знаменитой газеты «аль-Манар», издаваемой в Каире известным египетским реформатором Рашидом Рида (1865–1935). С последним Али Каяев тесно сотрудничал во время своего пребывания в университете аль-Азхар. В числе дагестанских приверженцев иджтихада или реформы системы мусульманского права были также современники А. Каяева — Мухаммад Абдурашид Араканский (1900–1927), Мухаммад Умари Охлинский (ум. в 1937 г.), Масуд Могохский (1893–1941). Они выступали за расширение рамок существующих правовых школ, что привело их к явному разрыву с традиционными дагестанскими мусульманскими учеными. Этот конфликт нашел четкое отражение на страницах упомянутых выше арабоязычных журналов и газеты, а также в многочисленных сочинениях полемического характера. Авторами дискурса по поводу «легитимности» или «нелегитимности» суфизма, реформы как системы образования, так и мусульманского права помимо указанных выше выступали также дагестанские шейхи Хасан Кахибский (1852–1937), Мухаммад Ассабский (ум. в 1942 г.), ученые Назир из Дургели (1891–1935), Джамалутдин Карабулахкентский (1858–1947), Юсуп-кади и Билал-кади Дженгутаевские, Бадави-кади Бугленский (все трое были репрессированы в 1929 г. Дальнейшая их судьба неизвестна), М.-С. Саидов (1902–1985) и многие другие ученые. Любопытно, что полемика по этим вопросам продолжалась в письменной традиции и в поздней советской и даже в постсоветский период. Примечательно, что их многочисленные арабоязычные труды полемического характера к настоящему времени абсолютно не изучены и не введены в научный оборот.

6) Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание — это суфизм, имеющий в Дагестане глубокие корни. Суфизм с его традиционной ритуальной практикой и обрядами, суфийские шейхи, равно как и их мюриды, начиная с XX века, подверглись критике со стороны дагестанских

приверженцев *иджтихада*. В то же время сами суфийские шейхи занимали центральное место в дискурсе джадидов. Примечательно, что известный дагестанский суфийский шейх Сайфулла-кади Башларов, который провел большую часть жизни в Поволжье и на Урале, был одинаково тесно связан как с шейхами Волго-Уральского региона и с теми татарскими учеными, кто выступал за реформу системы образования, так и с дагестанскими сторонниками и противниками реформ. Будучи суфийским шейхом, против чего выступали дагестанские сторонники иджтихада, С.-к. Башларов в то же время выступал за реформу системы мусульманского образования и даже работал в качестве преподавателя в «новометодной» школе в Казани. В правовом же дискурсе С.-к. Башларов, так же как и некоторые другие дагестанские джадиды (А. Акаев, М.-К. Дибиров и др.), были сторонником системы традиционных правовых школ и не выступал за иджтихад.

7) Судьба джадидизма в ранний советский период. 1920-е годы были периодом, когда в Дагестане, как и в других мусульманских регионах России, несмотря на советскую антиисламскую пропаганду, мусульманские школы и мечети были все еще открыты. В последующем, когда под давлением советских властей начали закрываться мусульманские школы и мечети, татарские и среднеазиатские джадиды были в значительной степени включены в новую советскую образовательную систему. В ранний период у советской власти просто не было других учительских кадров, кроме джадидов, которые с их рациональным подходом к исламу и к образованию, превратились в естественных сторонников и партнеров большевиков. Некогда джадиды сделали хорошую научную или партийную карьеру и даже стали министрами. То же самое было характерно и для Дагестана. Многие дагестанские джадиды с установлением и развитием советской власти стали сотрудничать с научными учреждениями (Али Каяев, М.-С. Саидов, М.Г. Нурмагомедов) или учителями в советских школах (М.-С. Саидов, Масуд Могохский, Мухаммад Умари Охлинский). Однако, во многом этот процесс завершился с началом коллективизации (ок. 1929–1933), когда многие известные джадиды были репрессированы. Несмотря на репрессию в отношении не только джадидов но и всех представителей мусульманской духовной элиты, тем не менее, многие идеи джадидизма выжили и даже получили поддержку органов советской власти. По иронии судьбы именно джадидская критика суфизма как «суеверия», «редоносного новшества» и «заблуждения» была впоследствии подхвачена органами советской власти и озвучена через созданное в 1944 г. Духовное Управление мусульман Северного Кавказа.

В заключение хотелось бы отметить, что история мусульманского реформаторства в Дагестане в первой трети XX века отражает те процессы, которые происходили во всем мусульманском мире в начале XX века. В настоящее время имеется всего лишь несколько работ, посвященных видным

деятели мусульманского реформаторства в Дагестане. В то же время сама история джадидизма в Дагестане фактически не изучена. Данная статья отражает всего лишь первые заметки по обозначенной проблематике. При этом хотелось бы отметить огромное количество работ полемического характера между сторонниками и противниками, как реформы системы мусульманского образования, так и иджтихада. Эти арабоязычные и арабографические источники, находящиеся как в частных коллекциях, так и в государственных хранилищах, в настоящее время почти не изучены и не введены в научный оборот.

